

Я не видела отчима шесть лет, скучала отчаянно, говорила с ним мысленно, жалуясь и хвалясь, делилась сокровенным и вспоминала маму, каждый раз упрекая, что тот ее забыл. Мой отчим Карим Бахметев исчез из моей жизни стремительно, не дав времени осознать грядущее одиночество и оставив в моей памяти лишь шлейф воспоминаний.

Между нами лежала пропасть — тысячи километров и его новая жена Элизабет Ларкинз. Так теперь себя называла бывшая сельская девочка Лиза Кузина, нашедшая свое случайное счастье в юном возрасте с жителем графства Беркшир, что на юге Англии. Имея скудное образование на базе школы села Владимировка, амбиции первой красавицы того же населенного пункта, гонор избалованной единственной дочери главы сельской администрации, Лизонька в семнадцать лет выпорхнула из родительского терема на берегу Волги, а приземлилась в Москве, в приемной комиссии сельхозакадемии, куда выбил-таки направление папа, затратив на это, по выражению самой девушки, «много зелени». Так как к прелестному личику и приличному баллу за госэкзамены нужно было бы приложить

хотя бы какие-то знания (очная беседа с членами комиссии не заладилась с первой же произнесенной ею фразы), Лиза Кузина студенткой так и не стала, но домой во Владимировку возвращаться не торопилась, надеясь как-то устроиться в столице. Повезло на первой же вечеринке в ресторане небольшого, но вполне приличного отеля — выпить рюмочку перед сном туда забрел Артур Ларкинз, средних лет англичанин, неплохо говоривший по-русски. Любовь к красотке Лизе в нем вспыхнула с такой силой, что наутро он предложил ей официально сочетаться браком. Лиза было заартачилась — неказист был жених, мал ростом и небогат. Выпила лишнего, вот и... Но папа с мамой, которым дочь все же сообщила о новом знакомом, срочно вылетели в Москву знакомиться с будущим зятем. Не дав дочери ни шанса ускользнуть от выгодной, с их точки зрения, партии, они организовали и пышную свадьбу, и немалое приданое. Через несколько месяцев довольный Ларкинз увозил уже беременную Лизу в родной город Рединг.

А еще спустя два месяца родители встречали в Шереметьеве дочь-вдову, потерявшую в автокатастрофе и мужа, и так и не увидевшего белый свет ребенка. Вскоре, вполне утешившись, Лизонька отбыла в полюбившийся ей с первого дня пребывания Рединг, в унаследованный от мужа дом. Звание веселой русской вдовушки закрепилось за ней прочно, однако такое соседство никого не радовало, и однажды кто-то из добропорядочных горожан сообщил главе Владимировки о недостойном поведении дочери. Обеспокоенный папа настоял на

возвращении Лизоньки домой, мотивируя тем, что среди чопорных англичан мужа та себе не найдет. Где Элизабет встретила моего отчима, мне было неизвестно, да и Карим как-то не торопился поведать мне историю их знакомства. Но весьма трогательно, даже со слезами на глазах, рассказывая о бедной Лизе, отчим пытался оправдать свою спешную женитьбу. Я же восприняла его повествование с иронией и долей здоровой злости на хитрую, лицемерную и распутную (а как иначе?) женщину. Карим же в моих глазах в тот момент выглядел жалко.

Это случилось шесть лет назад. Тогда он клялся в преданности маме, а я не верила — года не прошло со дня ее похорон. Я не приехала в аэропорт проводить молодоженов, отбывающих на жительство в Беркшир, не отвечала на звонки. Оставив хоромы в «генеральском» доме у центральной площади (название дома прижилось со дня заселения), переехала в старую бабушкину квартиру на Казанской. И расстояние между домами было небольшим, и ключи висели на общей связке, но, даже поднимаясь этажом выше к подруге Соне Барковской, в квартиру, где я когда-то счастливо жила с мамой, бабушкой и Каримом, зайти я не торопилась.

А вот вычеркнуть отчима из памяти так и не смогла... Бархатный баритон звучал в голове, успокаивая и обнадеживая, как когда-то в детстве. Я любила Карима, считая его отцом. Он им и был, другого не знала. В паспорте значилась как Асия, так называл меня он, хотя при рождении мама дала мне имя Ася. И сейчас, спустя годы, двигаясь пешком к дому, пыталась собраться с мыслями. Час на-

зад, вернувшись с работы, в почтовом ящике я обнаружила странную записку от отчима, почерк был, несомненно, его. «Я был, тебя не застал. На звонки не отвечаешь. У меня новый номер, посмотри в вызовах. Буду ждать дома. Ради памяти мамы, дочка, приезжай!» — неровные строчки, почти невидимые последние слова — понятно, что в шариковой ручке практически закончилась паста.

Уже с угла улицы я увидела толпу возле подъезда. На проезжей части дороги стояли машина «Скорой помощи» и еще одна — темная иномарка. Подойдя ближе, я разглядела белые буквы на красной полосе — «Следственный комитет».

Кто-то взял меня за руку, я вырвалась. Меня тянуло туда, в подъезд, и по лестнице — на второй этаж.

Дверь открыть не успела, та сама распахнулась навстречу. Двое санитаров тащили носилки. То, что на них мертвое тело Карима, я не сомневалась ни секунды.

Глава 1

— Уточните, кем вы приходитесь пострадавшему. — Голос следователя донесся как сквозь ком ваты.

Я оторвала взгляд от плаката на стене и посмотрела на сидящего напротив мужчину. Он был без формы, обстановка в помещении, где мы находились, скорее напоминала жилую комнату квартиры шестидесятых, чем кабинет следователя. Я бы чувствовала себя свободнее, если бы не знала, что сижу здесь на старом стуле с выцветшей обивкой лишь потому, что убили Карима...

— Бахметев — мой отчим. Он воспитывал меня с трех лет. Последние шесть лет мы не виделись — он жил с новой женой в ее доме в Беркшире.

— Вы знали, что он вернулся в Россию? И почему?

— Нет, не знала. Пока не нашла сегодня в ящике вот эту записку, — мысленно похвалив себя, что не выкинула листок (как хотела), я протянула его следователю. — Я о нем вообще ничего не знала все эти шесть лет!

Прозвучала моя последняя фраза с явной досадой, и, поймав удивленный взгляд следователя,

я мысленно чертыхнулась — вот уж показывать эмоции здесь совсем неуместно! Но полицейский ждал продолжения либо подробностей, и я вынужденно извинилась. Мой собеседник лишь молча кивнул.

— Моя мама вышла замуж за Карима Николаевича в девяносто четвертом году. Он сразу меня удочерил, дал фамилию и отчество. И стал мне настоящим отцом.

— Вы знаете, что ваш биологический отец жив?

— Теперь знаю, — коротко ответила я, не собираясь далее развивать эту тему.

То, что родной папа вообще существует, да еще и жив, я узнала от Карима, когда поступила в школу — ранее вопросом о биологическом родственнике я не задавалась. Первый день сентября выдался дождливым, и по этой причине торжественная линейка проходила в фойе школы. Наш первый «а» стоял по центру, позади на стене висела Доска почета с фотографиями знаменитых выпускников. Меня, как самую высокую девочку, поставили во второй ряд, и я то и дело оглядывалась — привлек внимание один из портретов. Что-то знакомое было во внешности молодого мужчины в форме. Мне даже показалось, что встречались мы с ним совсем недавно. Читать я умела, но подпись под фото «Гиржель Михаил Леонидович. Выпуск 1987 года» ни о чем мне не говорила. Нас отвели в класс, о портрете я забыла. Но, зайдя после школы к бабушке в комнату, посмотрев на фото мужчины над ее кроватью, тотчас поняла — на школьной Доске почета видела именно этого человека. Я всегда считала, что это

погибший мамин брат. Радостно доложив бабушке, что портрет героя висит в школе, хотела было уже продолжить рассказ о первом учебном дне, как та вдруг горько расплакалась. Мамы на тот момент дома не было, я кинулась к Кариму. Позже о Гиржеле он рассказал мне сам...

— Когда вы виделись с ним? Какие у него были отношения с пострадавшим?

— Я вижу его каждый раз, проходя мимо Воскресенского собора, он там работает нищим. А у отчима с ним отношений не было, то есть вообще никаких! Насколько мне известно, ни споров, ни разногласий по поводу моей матери между ними никогда не возникало. Михаил Леонидович бросил нас с мамой после моего рождения, ушел к другой женщине. Насколько я в курсе, ее уже нет на этом свете.

— Вы знаете, кем был Гиржель?

— Да, я в курсе, что он служил в милиции и геройски воевал в Чечне. Но все это не меняет моего отношения к нему. — Я почувствовала, что сейчас моя бедная голова не выдержит нарастающей боли, и я позорно грохнусь в обморок. — Дайте воды, пожалуйста, мне нужно выпить лекарство.

Да, вежливых слов от этого человека я не ждала, сочувствия тоже. Уверенность, что он даже по необходимости не растянет рот в улыбке, росла — молча протянув мне пластиковый стаканчик с водой из кулера, следователь смерил меня досадливым взглядом.

— Вам легче? Продолжим? — Он вновь взялся за ручку.

«Странный тип. Компьютер включен, мог бы печатать, так нет — пишет! Почерк вырабатывает?» — подумала я, утвердительно кивая в ответ.

— Что вы знаете о жене Бахметева Элизабет Ларкинз? С какого времени вы знакомы?

— Я видела ее дважды в жизни. Отчим привел ее как жену в свою квартиру, где мы жили втроем до смерти мамы в две тысячи тринадцатом году. Так как со дня похорон не прошло и года, я собрала в тот же день вещи и перебралась в бабушкину квартиру. Мне было неприятно видеть чужую женщину, не скрою. Уже поздно вечером она и отчим пришли ко мне и стали уговаривать уехать с ними в Англию. Она практически сразу, услышав мой отказ, ушла. А отчим рассказал ее историю. Вкратце звучит так: деревенской девочке Лизе Кузиной повезло выти замуж за англичанина. Вскоре тот разбился на машине, Элизабет потеряла нерожденного ребенка и на время вернулась к родителям в деревню. Потом вновь уехала и вернулась. Где и как познакомилась с Каримом — не знаю, не интересовалась. Вычеркнула их обоих из своей жизни в тот же день.

— Удалось?

— Что, не поняла? — удивилась я не вопросу, а тону, каким тот был задан.

— Я спрашиваю: удалось вычеркнуть человека, который вас вырастил, вот так, одним махом?

Вот так взгляд! Коктейль из ничем не прикрытой ненависти, презрения и злости. Резко встав со стула, следователь отошел к окну. Я смотрела на застывшую в неподвижности спину, на мощную шею, на почти лысый затылок, а думала о Кариме. Он

был так же подтянуто строен, широк в плечах и не обижен природой ростом. «Мой арабский принц Карим», — называла его мама, светясь счастьем. Да, они любили друг друга явно, ни перед кем не таясь, бережно храня верность и нежную страсть. Будучи ребенком, я не понимала, какая это редкость — быть безусловно счастливой. Именно такой была мама рядом с ним. И я, ее ребенок, чувствовала их любовь, росла в ней, словно в сердце цветка — как Дюймовочка. «Карим добр и великодушен» — так о нем говорила бабушка, мать моего биологического отца. Да, свекровь после предательства сына осталась жить с невесткой. И новый ее муж стал ей сыном.

Я вдруг все поняла. «Ну конечно! Очевидно, что тут личное. И совсем недавнее — все еще причиняет сильную боль», — подумала я, немного смутившись.

— Простите, — он повернулся ко мне. — Еще один вопрос: что вам известно об убийстве отца вашего одноклассника Максима Юренева пятого августа две тысячи девятого года?

Глава 2

Как-то до меня не сразу дошло, о чем это он? Какое убийство? Да, я знала, что Макс потерял отца, но — убийство?! Я всегда считала, что он погиб в аварии. Август... А где я была в августе девятого года? В санатории в Сочи, с Соней, моей одноклассницей и соседкой. Тогда ее отец полковник Барковский и Карим хором уговаривали нас «на-

браться сил» перед новым учебным годом — мы обе успешно поступили в вузы. В наших же с Соней планах было провести остаток лета на даче в Раздольном, в доме ее бабушки Аделаиды Ниловны, которую обе обожали. Но тут выяснилось, что путевок в санаторий три и бабушка едет с нами. За нас все было уже решено. На самом деле, как я поняла позже, вся поездка на море была организована для того, чтобы увезти меня подальше от дома. По задумке взрослых, так я быстрее забыла бы о том, что случилось на школьном выпускном балу...

Вернулись мы как раз к первому сентября. О том, что Макс Юренев потерял отца, я узнала лишь в феврале следующего года, после встречи выпускников. Меня там не было, новость осторожно преподнесла Соня, но я в ответ промолчала — подробности мне были неинтересны. Соня же, зная мое отношение к Максусу, не настаивала...

— Я не знала, что Павел Петрович был убит. Если так, то кем? Убийцу поймали?

— В преступлении признался ваш одноклассник Николай Басов.

— Коля? Быть не может! Ботаник, простите, тихий и застенчивый парень! Кого он мог бы лишить жизни? Разве что комара!

— Тем не менее, находясь под воздействием синтетического наркотика...

— Бред! Какие наркотики? Коля даже не курил, когда дымили уже все мальчишки. У него мама долго и серьезно болела, мы это знали. Он за ней ухаживал один, после школы сразу шел домой. Маме, как помню, стало значительно лучше еще до

сдачи нами госэкзаменов, она шла на поправку. Коля собирался поступать в институт. Нет, наркотики и Коля — полная чушь!

— Как эмоционально вы его защищаете!

— Да он единственный, кто... впрочем, к делу это не относится. Я знаю Басова как хорошего друга и очень порядочного человека.

— Хорошо, Асия Каримовна. На сегодня все, прочтите и подпишите. — Он положил передо мной плотно исписанный лист. — Возьмите мою визитку, будет что добавить к сказанному, позвоните.

Я сунула кусок серого картона в сумку и поднялась со стула. Уже у двери обернулась, чтобы попрощаться, но увидела перед собой лишь спину — следователь вновь стоял у окна и смотрел на улицу.

— Всего хорошего, — все же решила проявить вежливость я, но ответом была тишина.

Выйдя из здания следственного комитета, я достала визитку — что-то не запомнилось мне имя хозяина кабинета. Или он не представился? «Фирсов Иван Федорович, старший следователь, майор юстиции», — прочла я, стоя на крыльце.

— Чурбан неотесанный вы, господин Фирсов! — невольно вырвалось у меня, и я тут же была награждена удивленным взглядом проходившего мимо полицейского.

* * *

Пройтись пешком до дома было правильным решением. Раздражение, возникшее при допросе, мешало сосредоточиться на главном — я так

и не поняла, зачем (или почему?) вернулся Карим в Россию. И что с его женой? Расстались? Я ругала себя, что так и не решилась зайти к Барковским — мы с Соней не ссорились, но и встречались крайне редко, месяцами не звоня друг другу. Отчего-то мне было неловко набрать ее номер первой — Соня все время была занята, работая в стоматологической клинике и воспитывая двоих детей-погодков. Если и удавалось нам поговорить, то не больше трех минут. Меня несколько общих фраз о здоровье и погоде смущали, казалось, что нет больше между нами той близости, что раньше, и я попросту мешаю ей своими звонками.

И еще я с трудом выносила ее мужа Дениса Марченко, как, впрочем, и он меня. Причины для столь стойкой взаимной неприязни (с годами переросшей почти в ненависть), что установилась между им и мною практически со дня их свадьбы, не понимала Соня. Но она, эта причина, была отлично известна нам с Денисом. Сонин муж знал, что у меня хранились доказательства его предательства.

Задумавшись, я прошла мимо своего дома. Мысли о Барковских вели меня к месту, где погиб Карим. В конце концов, соседей, знавших о его возвращении из Англии, могло быть немало — когда я подходила к подъезду, возле него была небольшая толпа.

Я всегда старалась пройтись парком, он был старым и уютным, хотя кому-то мог показаться мрачным — солнечный свет сквозь плотное переплетение крон вековых деревьев просачивался лишь тонкими лучами, создавая нежную золоти-

стю паутинку. Сейчас, в ноябре, когда небо было закрыто набухшими влагой облаками, аллея, по которой я шла, и вовсе казалась темным тоннелем.

Мужчина стоял на газоне за парковой скамьей, держась за ее спинку. Я не видела лица, только коротко стриженный седой затылок, но мне показалось, что незнакомец пьян. «Ну, точно!» — успела подумать я, как вдруг тот громко крикнул: «Герда, ко мне! Герда!» Неуверенно качнувшись, он обошел скамью и присел на самый ее край. Темные очки, совсем неуместные в такую погоду, прятали глаза, скрывая еще и часть лица. Но я узнала его сразу. Мой враг, мои боль и стыд, моя первая любовь и мое разочарование — Макс Юрнев, уничтоживший меня морально ни за что. Просто так, на потеху классу и школьной королеве красоты Ангелине Корецкой. «Ты просто пройдешь мимо! Ты даже не повернешь головы, не взглянешь на него!» — приказала я себе, делая несколько шагов. Тонкий каблук сапога попал в ямку между плитками, нога подвернулась, я вскрикнула от боли.

— Кто здесь? Помогите, пожалуйста!

Я вздохнула и повернулась к Юрневу. Сейчас он меня узнает, без сомнений, — я ничуть не изменилась за те десять лет, что прошли с нашего выпускного бала.

— Я потерял собаку, — голос звучал глухо, Макс словно оправдывался.

— Так ищите. Что, ноги не держат? — неожиданно для себя насмешливо и грубо спросила я и застыла. «Не может быть... он ничего не видит? Он слеп!» Я почувствовала стыд, слабость и... страх.

Макс молчал. Я осторожно присела рядом, рука сама потянулась к его лицу... В следующее мгновение, резко убрав ее, я глубоко вздохнула.

— Я поищу. Какой породы ваша собака?

— Уходи.

— Что?! — от неожиданности я вскочила.

— Что непонятного я сказал? Уходи, Бахметева. Пошла вон!

От его голоса, от воспроизведенной им в точности фразы, сказанной с презрением и гадким смешком десять лет назад, я, Асия Каримовна Бахметева, педагог и психолог математического лицея, словно стала на миг той Асей, с ужасом бежавшей от гогочущей вслед толпы одноклассников. Но лишь на миг.

— Уйду, Юренив. Но не раньше, чем найду твою собаку, — четко выговаривая каждое слово, спокойно произнесла я.

Глава 3

История была банальна, можно даже сказать — не интересна ни кинематографистам, ни театральным режиссерам. Девушку, влюбленную в него, Юренив принародно унизил. Зрители быстро разошлись, девушка кое-как на полусогнутых доползла до дома, где с рыданиями кинулась на шею отчиму. И это все обо мне, Асе Бахметевой. О той Асе, которая лишь через два месяца узнала, что жестоко избит ее защитник — Коля Басов, единственный трезвый парень среди толпы пьяных выпускников,

и о том, что Соня Барковская дала пощечину Макс-у Юреневу, обзвав того виртуозно нецензурно. Подвиг для девушки, обычно красневшей при слове «дурак». Именно Соня в гневе пообещала Юреневу кару небесную при жизни, весьма эмоционально выразившись: «Моральным уродом ты уже стал, а физическим сделает тебя судьба, даже не сомневайся!»

Сейчас я видела, каким образом сбылось то ее предсказание — Юренев был слеп. И, судя по тому, как отреагировал на мое присутствие, винил в этом меня.

— Что уставилась? Радуетесь? — В голосе Макса не было больше злости, только усталость. — Сонька оказалась провидицей — я теперь урод!

— Сиди здесь, я пойду поищу твою Герду. Овчарка? — Отвечать на его выпады было бессмысленно.

— Лабрадор. Она сама никогда не убегала, ее увели. И я догадываюсь, кто. Если встретишь троих подростков — девчонку и двух парней...

Я их уже увидела — троица нырнула в беседку, где раньше играли в шахматы пенсионеры и пионеры. Сейчас же внутри стояли лишь две скамьи.

Даже на каблуках я бегала быстро. А еще я умела ловко подставлять подножки. Первым через мою ногу перелетел, а затем жестко приземлился на пятую точку круглолицый блондин. Его высокий худой товарищ рисковать не стал, протиснулся сбоку, но был пойман мной за воротник куртки. Девочка смиренно села на скамью.

— Где собака? — взглядом не найдя Герду внутри беседки, произносить приветствие я сочла лишним. Боялась худшего — звериной жестокости подростков. — Ваш встречный вопрос: «Какая собака?» мы опускаем. Ну?!

Все трое молчали. Но выражение лиц было разным. Испуганным выглядел блондин, немного нервничал его друг, а девочка... На первый взгляд им было лет по тринадцать, но она смотрела на меня прямо, открыто и без вызова, словно равная. Сомнений, кто лидер в троице, не было.

— Хорошо. Наверное, придется вам объяснить, что ваши действия можно рассматривать как кражу. Обученный для помощи незрячим людям лабрадор стоит от шести до десяти тысяч долларов. Не думаю, что ваши родители даже сообща смогут выплатить эту сумму владельцу Герды. И не дай бог с собакой вы сделали что-то плохое...

— Не нужно на нас давить! Кто вы такая? Вы знаете эту тетку? — Девочка поочередно оглядела своих побледневших спутников. Те молчали. — Я так и думала! Мы ничего не знаем ни о какой собаке, Герде или как ее там зовут? И с чего вы взяли, что наши предки не смогут за нее заплатить?

Ох, вот теперь в голосе вызов! И этот небрежный жест — нога в кроссовке со скромной надписью «Jimmy Choo» на перемычке шнурка быстро закинута на сиденье лавки — любуйтесь! Только вот стразы на обувку приклеены мастером из цыганского табора...

— А смогут? Тогда не вопрос — вызываю полицию. Я вас допрашивать права не имею, но в уча-

сток в первую очередь вызовут ваших родителей и педагогов. Кстати, в какой школе вы обучаетесь?

— В пятнадцатой, — машинально выпалил блондин и осекся под презрительным взглядом подруги.

— Я знакома с вашим директором Лидией Павловой. Насколько ее знаю, она ничего на тормозах спускать не будет. Самое простое — вас троих поставят на учет в инспекцию по делам несовершеннолетних. Ну а если владелец собаки подаст в суд...

— Герда в сарае сад...

— Заткнись, лох! Не видишь, нас разводят! — Девочка вскочила и с размаху влепила блондину пощечину.

— Да пошла ты! — Блондин двумя руками оттолкнул ее и повернулся ко мне: — Пойдемте, здесь недалеко. Только Верка ей что-то вколола. Снотворное, наверное. Батя у Лехи в ветклинике работает.

Он шел по пожухлой траве к сараю садовника, не оглядываясь. Не смотрел парень и на меня.

— Как твое имя?

— Петр.

— Почему ты позволяешь себя так унижать, Петя? — не выдержала я.

Он на миг остановился, мы поравнялись, и я заметила пунцовый румянец на щеках. «Влюблен в девицу! А второй? Друг-соперник?» — Я оглянулась, но не увидела ни его, ни девочку.

Мы подошли к сколоченному словно наспех сараю.

— Леха сбил замок, а потом просто повесил на петлю, открывайте.

Герда лежала на куче какого-то тряпья, уткнувшись носом в ящик с песком, и тяжело дышала. На меня накатила волна злости.

— Что ж вы наделали?! — Я вытолкнула парня из сарая. — Слушай внимательно! Я сейчас позволю ветеринару, он заберет собаку в клинику. А ты бежишь к ее хозяину, приводишь его сюда за руку, понял? Скажешь ему, Бахметева ждет. И что Герда жива. Мигом!

Я смотрела на затылок Юренева, стоявшего на коленях перед издававшей короткие всхлипы Гердой. В горле застыл ком, вновь накотившая головная боль сделала меня слабой. Я поняла, что забыла, куда шла, забыла об убитом отчине и следователе Фирсове. Почти теряя сознание, огляделась. Сесть было некуда, колени подогнулись, и я боком упала на кучу тряпья рядом с собакой.

— Аська... ты слышишь меня, Аська! Что с тобой? Ты где? А?

Жесткие пальцы скользнули по моей ладони, рукаву полушубка, нащупали плечо, забрались за воротник и обняли шею. Цепко подхватив второй рукой под спину, Макс приподнял меня и прижал к себе. Так, стоя на коленях, он тихонько раскачивался из стороны в сторону, обнимая так крепко, что мне стало трудно дышать.

— Юренив, отпусти... — Я уже и сама не знала, хочу ли этого.

— Нет!

— Почему?!

— Почему? — повторил он мой вопрос. — Потому что вот так уже никогда не повторится! По-

нимаешь, Бахметева — ни-ког-да! Не будет этого темного сарая, тебя близко не будет, запаха твоего и лица!

Я почувствовала короткие прикосновения влажно соленых губ к моим опущенным векам, и нехотя открыла глаза.

Юрнев плакал. Слезы текли из-под темных очков двумя дорожками — лицо Макса освещала довольно широкая полоса слабого света, пробившаяся сквозь щель между досками сарая. Я растерялась, не понимая, что происходит.

Это уже было! Было! Соленые слезы, которые я слизывала с его щеки кончиком языка. Они смешивались с моими, неся нам обоим облегчение. Это был примирение с самими собой и друг с другом после жесткой ссоры. Тогда мы понимали оба, что без доверия не выживем, что нет и не может быть отдельно его и где-то — меня. И тайн друг от друга быть не должно. Нет, не так! Есть и будет одна. Одна на двоих — наша. Вот с такими солеными слезами, гулким стуком его сердца за тонкой тканью рубашки, затаившимся дыханием в предвкушении того, что случится дальше. Не может не случиться — все пройдено: сплетни, откровенная ложь и наша слабость перед предательством близких. Поодиночке не справились бы с этим, нет. Только вместе... Тогда я верила ему, даже в мыслях не допуская, что спустя всего несколько месяцев предаст он.

Я стяхнула с себя наваждение, в буквальном смысле несколько раз энергично покачав головой. Нет, только не в этот раз...

— Макс, все будет хорошо с Гердой, не расстраивайся, сейчас приедет мой муж...

— Муж...

Макс, не отпуская меня, легко поднялся с колен, поставил меня рядом и резко отошел в сторону.

— Выйди, Бахметева. Сейчас просто выйди из сарая! Я хочу побыть один. За помощь — спасибо. Не прошла мимо убогого.

Я опешила...

Глава 4

— Черт возьми, Юренев, ты повторяешься! Уже в третий раз ты гонишь меня! Только я никогда к тебе не лезла первой! Даже тогда, после выпускного, если бы не получила записку, не пришла бы в кабинет физики. Ты написал, что не можешь без меня, а я шла сказать, что вполне могу! Без тебя могу, Юренев! Ты не дал мне рта открыть, помнишь этот поцелуй? А после этого вспышки камер, гогот пьяных парней и насмешливое лицо Корецкой. Больно было, черт возьми! И сейчас больно. Ты — тот, кто с удивительным постоянством бьет меня по живому, Юренев! Только я и сейчас не могу понять — за что?

Не дожидаясь ответа, я шагнула за порог и увидела, как от парковой дорожки к сараю бегут мой муж и Петр, которого я отправила встретить Игната у входа в парк.

Я смотрела, как, неуверенно схватившись за дверной косяк, из сарая выходит Юренев и, сде-

лав два шага, устало прислоняется спиной к стволу клена, снимает очки, потирает переносицу. Как Игнат и Петя заходят внутрь сарая, оставив дверь распахнутой.

Я могла смотреть на Макса, не опасаясь быть замеченной. Жадно, торопливо вглядывалась в черты лица, отмечая каждую новую морщинку, седые волоски в щетине и абсолютно белые виски. Он постарел. Не возмужал, не повзрослел, утратив юношескую свежесть, а именно постарел. Лицо осунулось, заострился подбородок, выделив скулы. Но самыми пугающим был застывший в неподвижности взгляд. Я громко вздохнула, не в силах сдерживать жалость.

Видимо почувствовав, что его пристально рассматривают, Макс, словно защищаясь от непрошеного внимания, надел очки, которые до этого держал в руке.

— Кстати, с днем рождения! Не знаю, что пожелать тебе... счастья? Наверное, ты и так счастлива?

— Спасибо, Макс, — сдержанно поблагодарила я, сама забыв, что сегодня мой день рождения.

— Простишь меня когда-нибудь, Аська? — спросил он, как-то безнадежно усмехнувшись.

Я промолчала. Что я могла ответить, простив и оправдав его уже давно, когда узнала, что вместо университета он загремел в армию. Соня сообщила мне об этом с неким торжеством. Видимо, надеясь, что я обрадуюсь (настигла-таки кара обидчика), она никак не ожидала от меня такого бурного потока слез. А я оплакивала несбывшуюся мечту Макса...

— Понятно... что ж, переживу и это. Уже привык... без тебя. Живу один.

«Господи, что он несет? «Без меня» он уже десять лет! И по своей вине! Привык... да просто думать забыл, кто такая Ася. К чему сейчас все это? Запоздалое покаяние. Зачем оно ему? Просто прими эти слова как минутную слабость, Бахметева!» — приказала я себе. А вслух неожиданно коротко и сухо произнесла:

— Давно простила, Макс.

Из сарая вышел Петр, за ним, согнувшись в дверном проеме чуть не вдвое, Игнат с Гердой на руках.

— Петя, — тихо окликнула я парня, — вот тебе деньги на такси, поезжай сейчас с ними, потом проводишь Максима Павловича домой. Прямо до дверей квартиры. Герду наверняка оставят в клинике. Мобильный у тебя есть?

Петр достал из кармана куртки телефон далеко не новой модели.

— Это мой номер. — Я продиктовала цифры и дождалась, пока парень их наберет. — Позвони потом. Сделаешь? Меня зовут Асия Каримовна. Преподаю в математическом лицее на Троицкой.

Петр молча кивнул.

Махнув на прощание рукой мужу, несшему на руках Герду, я немного постояла, глядя, как следом за ним идет, опираясь на плечо парня, Юренев. Жалость вновь подкатила к горлу горьким комом, не давая сделать полноценный вдох. Поморгав, чтобы стряхнуть с ресниц теплую влагу слез, я достала из кармана носовой платок. Словно что-то почувство-

вав, Макс резко становился и обернулся. Я торопливо направилась к другому выходу из парка.

Двигаясь в бодром темпе, я с усилием вернулась мыслями к главному — убийству Карима. И тут же поймала себя на том, что как-то спокойно восприняла потерю некогда самого близкого мне человека. Забыла за шесть лет? Неправда! Но, взрослея, научилась жить и без него.

Однажды я задумалась о том, как ему, никогда не имевшему собственных детей, удалось так быстро стать мне настоящим отцом? Без лести и подарков, одной лишь искренней любовью он завоевал доверие маленькой девочки, до встречи с ним не знавшей близко ни одного взрослого мужчины. Дедушек у меня не было, мы жили втроем — я, мама и бабушка. В квартиру на Казанской приходили в гости лишь две подруги мамы. И всегда без мужей. Впрочем, не припомню — а были ли те замужем?

Карима я приняла как родного отца с первой встречи — решила, что это он и есть, просто был где-то в отъезде, а сейчас вернулся. А вон тот красавец на портрете в бабушкиной комнате — ее сын, мамин брат то есть. И знать не знала, что бабушка маме — свекровь.

Карим как отец был идеален. Мне завидовала даже Соня: Осип Семенович безумно любил дочь, баловал, но и опекал чрезмерно. Там, где Карим старался меня понять и оправдать, Соня получала от отца выговор и последующий список запретов. «Он как будто даже рад, что я проштрафилась, Ась! Сразу же выкатил кучу претензий. И крашусь

слишком, джинсы в облип, майка до пупа. Слово ждал подходящего момента, чтобы все высказать!» — жаловалась она мне, а я не находила слов утешения. Мне разрешались и модные штанцы, обтягивающие тощий зад, и откровенный топ на бретельках без наличия нижнего белья. И как ни странно, на мне Барковский все эти «безобразия» не замечал.

Не мамино, не бабушкино мнение было для меня важно — лишь Карима. Впрочем, они обе воспринимали его главенство в семье спокойно.

Я не помнила ссор между мамой и Каримом. Мне даже казалось, отчим не может конфликтовать ни с кем, настолько терпим он был к недостаткам других. И сейчас, по дороге к его дому, я пыталась понять, кому он мог помешать настолько, что его убили.

Вдруг одна мысль заставила меня остановиться. Как случилось, что я даже не спросила у следователя — как убили моего отчима? Нож, яд? Или выстрел? И где сейчас Элизабет? Что, если она вернулась из Англии с ним? Они поссорились и... «Могла? Да запросто! — мгновенно нашла я виновную в смерти отчима. — Вот только входит ли она в список подозреваемых майора Фирсова?»

Меня настолько захватила эта идея, что я тут же извлекла из сумки визитку следователя.

— Иван Федорович, Бахметева беспокоит. У меня предположение — не могла Элизабет Ларкинз убить моего отчима? Она вернулась с ним в Россию? — торопливо проговорила я.

После короткого «нет» в ответ Фирсов отключился. Я опешила. И к чему относится это отрицание? Не вернулась? Или убить не могла?

Еще раз мысленно назвав Фирсова хамом, я решила, что докопаюсь до правды сама.

Шагая к дому отчима, очень надеялась на встречу с одной весьма пожилой дамой, матерью генерала Таранова, знавшей всё и обо всех. Одна створка окна ее комнаты в квартире на первом этаже всегда, и летом и зимой, была приоткрыта. Нина Андреевна бодро подсакивала к окну каждый раз, когда кто-то подходил к подъезду, либо подъезжала к воротам во двор машина. Не надеясь на свою память, Нина Андреевна в тетрадочке словесно обозначала портрет незнакомых ей людей и записывала номера авто. У меня же к ней был один вопрос: знает ли она, когда мой отчим вернулся из Англии?

Глава 5

— Детка, присаживайся к столу. — Нина Андреевна встретила меня хотя и с улыбкой, но без радушия. Легкую холодность я могла объяснить лишь одним — старушка, как, впрочем, и многие, осуждала меня за резкий разрыв с отчимом.

Я кивнула, выложив из пакета на чайный столик коробку шоколада и упаковку безе. Старое кресло приняло мое напряженное тело, расслабляя мышцы и давая покой уставшей спине — длительная ходьба на каблуках в последнее время стабильно отдавалась болью в позвоночнике. Я молча смо-

трела на суетившуюся Нину Андреевну, заметив, что та пытается скрыть неловкость.

— Я ненадолго. — Я решила, что пора остановить бессмысленную суету: от чая отказалась у порога, но, видимо, не была услышана. Последняя вазочка с подноса нашла место на столике, и только тогда хозяйка словно нехотя присела на край дивана.

Нину Андреевну можно было назвать божьим одуванчиком — настолько эфемерно она выглядела в белоснежной блузке с отложным кружевным воротничком. Абсолютно седые волосы были ее приметой еще с той поры, когда я была ребенком. Заметив в окне лицо, обрамленное пушистыми кудельками, мы с Соней меняли галоп на степенный шаг, чинно входили в подъезд, быстро и молча проскальзывали мимо двери квартиры Тарановых и только тогда выдыхали с облегчением. Боялись эту генеральскую маму все без исключения: от нас, крох, до сослуживцев ее сына. «Божий одуванчик» мог покрыть площадным матом. Да, провинившимся детям доставались вежливые замечания, высказанные литературным языком, но их родители позже выслушивали гневную речь с нецензурными вставками. И, что странно, никто и никогда не был на Нину Андреевну в обиде. Но божьего в этой женщине не было точно, моя мама называла ее не иначе как «чертова вдова», вызывая легкую улыбку у Карима, ко всем женщинам относившегося со снисходительной терпимостью.

Сейчас я с некоторой грустью отметила, что старушка заметно сдала, хотя и двигалась по дому,

бодро стуча по паркету каблучками домашних туфель.

— Не буду спрашивать, зачем приходила к Кариму. И так ясно — сам позвал. Точно? Послушай, детка, скажу сразу, душок от его убийства нехороший. С чего это он из Англии вернулся? И неизвестно: Лизка, эта пьянь прохиндейская, с ним прибыла? Если да, то куда делась среди ночи? Или утром ушла? Я тут прикорнула немного, не уследила, каюсь, — смущенно призналась Нина Андреевна, а я удивилась — отчего ж немилость такая к жене Карима? Мне раньше казалось, жалует ее Таранова! Даже ради близкого знакомства как-то на чай, знаю, зазвала. Карим поделился с гордостью — видишь, мол, хорошая женщина моя Элизабет, вон и «чертова вдова» ее признала. «А выходит, в дом свой пустила, чтобы только познакомиться поближе — что за птица... надо же — «пьянь прохиндейская» ... придумала же как обозвать», — подумала я, пряча усмешку.

— Не лыбься, Аська. Что ты знаешь об этой колхозной иностранке? То-то и оно, что ничего! Отринула ее сразу, отгородилась от них обоих, обиду свою баюкать отправилась! Надо было прощупать, кого решил осчастливить твой отчим! А ты смылась скоренько из дома. Вот мне пришлось наблюдать, сколько бухла та таскала в квартиру, когда Карим уходил. Ужас. И все в одно жало выпивала — Карим-то трезвенник известный.

— Я не знала. Даже подумать не могла, — во мне что-то оборвалось, подступивший стыд заставил отвернуться к окну — так я попыталась скрыть слезы.

— Не реви, поздно. Теперь надо выяснить, где она, Лизка. Ты от следователя идешь, так? Как зовут его?

Я достала из сумки визитку и положила перед ней.

— Фирсов. Этого знаю, заходил, опрашивал соседей. Из новых, наверное. А Виталий мой уже пять лет как не на службе. На пенсии он, знаешь?

— Нет.

— О чем спрашивал тебя Фирсов? Подозревает кого?

— Спрашивал, знаю ли, что Карим вернулся, — ограничилась я одной фразой. — А когда он вернулся из Англии, Нина Андреевна?

— Вчера вечером. Я к окну подошла, а он как раз в подъезд заходит! С дорожной сумкой. Пока до двери дошла, открыла, он уже по лестнице поднимается. Один. Но показалось мне, что говорил он с кем-то. Я решила, это Лизка впереди шла. Карима к себе зазвала на минутку, новость ему сразу хотела выдать про отца твоего, что тот нашелся. Ошарашен был, но обрадовался. Я ему и про подвал, где ночует Михаил с нищобродами своими, рассказала. Ты мне скажи, давно отца видела?

— Сегодня... сидит на своем посту среди себе подобных. А при чем здесь он? Странно... И следователь спрашивал, знакомы ли они с Каримом?

— Вот как... А ты не знаешь? Знакомы, причем очень тесно! Я бы сказала — друзья.

— Да нет! Не может быть! Вы что-то путаете!

— Так твою налево! Да ты послушай... То, что Мишка Гиржель часто навещал здесь твою бабуш-

ку, то есть свою мать, факт! Оно понятно. И при сем всегда присутствовал Карим! Я не раз видела, как они обнимались у порога вашей квартиры, точно родные братья!

Я смотрела, как не на шутку разозлилась старушка, с каким упрямством настаивает на этой несправедливости: мой отчим и отец — друзья, и готова была вскочить и уйти. Но, решив получить от нее максимум информации, делать этого не стала. Одно уже знала точно — не миновать мне разговора с отцом.

Странная игра тянулась уже около трех месяцев — я проходила мимо храма, лишь кося взглядом в сторону группки нищих, но в то же время зная наверняка, что за мной наблюдает бородатый мужик в рванине и с мятой сигаркой в зубах. Он ее не курил — жевал, изредка сплевывая на грязный асфальт. Картуз тогда, летом, ушанка сейчас покрывали голову, но из-под них во все стороны торчали смоляные кудри без единого седого волоска. Сейчас он был в доисторического вида дохе, туго перетянутой в талии ремнем. Пуговиц не было, виднелись голая шея и густо покрытая волосами грудь. Летом же, как я помнила, эта же рыжая доха служила ему сидушкой. Такие подробности я рассмотрела на фотографиях, которые просила сделать случайных прохожих. Пачка распечатанных снимков была доказательством нынешнего нищенского существования боевого офицера Гиржея Михаила Леонидовича, моего биологического отца. Я делала вид, что не замечаю его, прекрасно понимая, что он знает, что каждый день хожу мимо этого храма не

случайно. Да, однажды, не найдя этого нищего на месте, испытала панику. В тот день я стала осиротевшей вдруг Асей Гиржель, потерявшей родного папу. Проплакав ночь, утром почти бегом двинулась к храму. Издали увидев знакомую фигуру, разозлилась, вновь посчитав себя обманутой...

— Что молчишь? Перевариваешь? Ох, не нравится мне возвращение Карима... Где Лизка-Лизабет? Убила и сбежала? Следовательно-то ее подозревает?

— Да не знаю я, кто у него в подозреваемых ходит! Мутный он, Фирсов. И хам! — вырвалось у меня с досадой, и тут же я подумала вновь, что версия о причастности к убийству Карима его жены имеет под собой почву. — Вы следователю рассказали о том, что отец и Карим знакомы?

— Нет. Потому как не спрашивал. Захочешь, сама расскажешь. Вдруг Мишка Карима жизни лишил? За какие-нибудь старые дела... Сама разбирайся! К отцу пойдешь? Опустился совсем... Виталий мой пытался с ним говорить, все-таки он Михаилу — в прошлом боевой командир. В дом наш отец твой вхож был... Бесплезно все! Правду говорят, со дна мало кто поднимается. И еще тебе скажу, детка, — узнай, каким образом Кариму в нашем доме квартиру удалось получить! Тут сплошь высокие чины, — Нина Андреевна усмехнулась. — А он приехал, вселился, а потом уж и вас с матерью привез. Какой год был... девяносто четвертый... Виталий как раз незадолго до этого в Чечню воевать отправился...

— Карим не воевал!

— Вот именно... а откуда твоего отца знал? Какая-то история произошла там, в Чечне. Виталий знал бы, мне рассказал. А он — молчок! Загадок много! Что Мишку с Каримом связывало? Вроде соперниками должны быть, так нет — братья... так их!

— Я пойду, Нина Андреевна. К Соне зайти еще хочу. — Я не стала высказывать свои сомнения в искренности ее сына.

— Не ходи, нет у них сейчас дома никого. Ох, что-то не ладится у нее с мужем. Как бы не до развода. Барковский еще месяц назад внуков в Раздольное забрал, они же с Валентиной там теперь постоянно живут, а в квартире молодые. Сам Марченко поздно возвращается, часто бухой в стельку. Ладно, что я как сплетница. Увижу Соньку, скажу, чтобы позвонила. Номер-то новый мне дашь? А то как-то набрала — а не существует такой!

— Телефон вытащили из кармана недавно, Нина Андреевна, записывайте.

— На-ка вот бумажку, запиши сама, в справочник потом внесу, не умею быстро. Мой номер есть у тебя?

— Да, у меня все номера в блокноте продублированы. Не первый раз мобильный теряю.

— Раззява... А вот еще... показалось вчера, что где-то около половины первого дверь входная тихо так щелкнула. Я к окну — спина удаляется, похожа на Карима! Наверное, он это был! Только какой-то... согбенный, да. Плечи опущены. Раньше-то вспомни — выправка как у военного! Но когда вернулся, не знаю. Спать и мне иногда нужно. Ладно,

ступай. Михаилу привет. Пойдешь к нему? — вновь повторила она вопрос, а я подумала, что чего-то она недоговаривает, эта «чертова вдова».

Я вновь опоздала! У ворот на территорию храма толпился народ, издалека видна была ряса батюшки, полицейская форма и лохмотья нищих. Раздвигая толпу, бесцеремонно толкая всех, кто стоял на пути, я пробиралась к месту нового убийства. На этот раз я была уверена, что увижу труп моего биологического отца Михаила Гиржея.

Меня перехватила пара крепких рук, я что-то пыталась сказать этому человеку в штатском, вырываясь из последних сил. Все менее четкими виделись черты его лица, знакомого и нет, все неразборчивей слова, что тот мне говорил. Я замерла, зажатая в тисках этих рук, пытаюсь сосредоточить взгляд, но поняла, что теряю сознание. «Врача сюда!» — услышала я крик и отключилась.

Глава 6

— Вы в порядке? — равнодушный голос вопрошающего взбесил, я окончательно очнулась — видно, чтобы прийти в себя, мне не хватало именно этой пресловутой «капли», в данном случае идиотского вопроса майора.

Я лежала на узкой лавке в крошечном помещении храма, где на полках были расставлены ладанки, иконы, а из обычных пол-литровых стеклянных банок торчали пучки свечей разного размера. Дверь была распахнута, с улицы тянуло свежим прохлад-

ным воздухом. Надо мной склонился Фирсов, из-за его плеча виднелись голова и плечи парня в белом халате. Парень неожиданно грубо отодвинул майора, и я увидела в его руке клочок ваты. Опасаясь, что тот сунет мне его под нос, я резво поднялась и тут же со стоном прислонилась к стене.

— Он мертв? — Я имела в виду отца, и была уверена, что Фирсов меня прекрасно понял.

— Кто? Еще один вычеркнутый из вашей жизни отец? Да, мертв. Безнадёжно мертв. И вы вновь будете утверждать, что Гиржеля и Бахметева ничего не связывает? Кроме вашей матери, конечно, и вас.

— Ни-че-го! Все, что отчим рассказывал об отце, он сам узнал от мамы. Или от моей бабушки. Почему их убили одного за другим, не знаю! Почему это случилось именно сейчас, тоже! У меня самой идет кругом голова от...

— Я заметил, — перебил меня Фирсов. — И часто вы так... падаете?

— Вас не касается! — отрезала я. — Еще вопросы? Или я могу идти домой?

— А куда вы направлялись до этого? И откуда? Каким образом оказались у храма? Давайте-ка угадаю — к отцу шли, так? Послушайте, Асия Каримовна, на самом деле у нас с вами цель одна — докопаться до правды. Ваши, извините, отцы убиты одним и тем же способом — филигранно перерезана сонная артерия. Они оба истекли кровью. Разница во времени — около четырех часов. Бахметев на момент убийства был у себя дома, замок убийца открыл отмычкой. Если бы соседская собака не залаяла, пробегая мимо квартиры, труп обнаружили

бы вы, когда пришли, а не вызванный ранее участковый. Гиржеля убили прямо на его рабочем месте. Преступник дождался, пока тот останется один, — троим «сослуживцам» предварительно была подарена бутылка водки, и они убралась распивать ее в родной подвал. Где их, сонных, и нашли мои сотрудники. Вы знали, что ваш отец не пьет? То есть вообще не употребляет спиртного?

— Нет. Я с ним не общалась. Никогда!

— Ах, ну конечно. Вычеркнули из жизни, помню. А что, правильно — на черта такой нужен! Только вот, посмотрите, — Фирсов извлек из папки какой-то снимок в полиэтиленовом прозрачном пакете и сунул его мне.

На фото была я — выпускница школы. В том самом синем платье с кружевным лифом и широкой юбкой в пол. Немалая часть снимка была залита кровью.

— Он был в нагрудном кармане рубахи. Там же найдена и еще одна фотография. Это ваша мать?

— Да...

«Он что, любил маму? И меня? Помнил о нас? Чушь! Если, как утверждает Нина Андреевна, Гиржель часто бывал у нас дома, то почему я ни разу не столкнулась с ним? Почему приходил, когда меня гарантированно не было дома? А мама знала об этих визитах?» — мысленно задавая себе вопросы, на Фирсова я старалась не смотреть.

— А теперь все, о чем подумали, озвучьте! — приказным тоном произнес тот. — Я жду.

А вот ссориться с ним не стоило... Я вздохнула и выдала нейтральный вариант ответа:

— Я подумала о том, что мама так и не простила его, хотя, возможно, Гиржель и пытался как-то наладить отношения. Мне уж точно об этом неизвестно.

— Зачем вы к нему шли?

— Не выдумывайте. Просто шла мимо, — твердо произнесла я, вставая со скамьи. — До свидания.

«Главное, не обернись!» — скомандовала себе мысленно, удаляясь от церковных ворот. Я знала, кому можно задать хотя бы один вопрос о Гиржеле — его приемной дочери от второй жены. И этот вопрос — видела ли она когда-нибудь наших отчимов вместе? Да, с Ольгой мы не были знакомы лично, но вот уже два года регулярно просматривали профили друг друга в одной из соцсетей.

— Я вызову вас повесткой! — донеслось вслед, но шага я не замедлила.

* * *

Тогда, в первом классе, Карим произнес всего несколько фраз о моем отце, но их оказалось достаточно для маленькой Аси. Михаил Леонидович остался для меня фигурой темной, скорее портретной, чем живым человеком. «У него другая семья, Асия, так получилось. Зато у тебя есть я! И я очень тебя люблю!» — Карим улыбался глазами, так умел только он один... Я не задала ему ни единого вопроса о Гиржеле, разом отгородившись от чужого мужчины. Сейчас я понимаю, что тогда меня остановил страх потерять Карима. Потерять как отца, заменив его в мыслях и сердце на кровного, хотя и незна-

когого мне, родственника. Даже находясь в комнате у бабушки, я старалась не смотреть на фото над кроватью. При мне разговоров о второй семье Гиржеля не велось, я действительно не приняла его никак — ни сердцем, ни душой.

О том, что у Гиржеля есть приемная дочь, я узнала от Карима за неделю до отъезда его и Элизабет в Англию. «Ее имя — Ольга, она хорошая девочка, Асия. Вы могли бы подружиться», — не глядя на меня, произнес он, а я с досадой отмахнулась: «Ты-то откуда знаешь? С папочкой моим общался?» «Он пропал, Асенька, в две тысячи девятом. Маме твоей сообщила его жена Ирина, она тогда разыскивала его. Но напрасно, так и не нашли ни его, ни тела. А через год Ирина скончалась от рака. Оля с тех пор одна», — произнес он тихо и тут же, без перехода, вновь стал уговаривать уехать с ними в Беркшир.

Об Ольге, как о падчерице Гиржеля, я вспомнила в тот день, когда обнаружила его среди нищих у ворот Воскресенского собора. Честно говоря, на эту улицу я забрела случайно, она была немного в стороне от моих основных пешеходных маршрутов. Но в тот день мимолетное знакомство с туристом из Москвы (парень отстал от группы), привело меня к этому храму — пришлось проводить туда «потеряшку» и сдать с рук на руки экскурсоводу. Хорошо, парень выяснил, что именно сюда все отправились после прогулки по набережной. Неожиданно для себя я зашла в храм, где не была ни разу — в бога (или вселенский разум) моя вера была непоколебимой, но церковь ассоциировалась

либо с театром, если там проходила служба, либо с памятником архитектуры. Я рассматривала лики на иконах и вдруг заметила, что за мной ходит пожилая женщина в черном платке. «Вам нужно поставить свечу за здравие близкому мужчине, ему грозит опасность», — она потянула меня за рукав рубашки. До сих пор не знаю, почему я починилась ей? Женщина подвела меня к иконе Архангела Михаила, протянула тонкую свечу и, сдержанно кивнув, пошла прочь.

Я вышла за ворота храма, все еще «слыша» ее голос и пытаюсь понять, о ком это она? На ум тогда пришел Карим... Доставая из сумки мелочь, я с любопытством обзрела группку нищих, хором монотонно клянчивших подаяние. Почему я задержала взгляд на одном из них? Мне показалось? Или... Не доверяя своей памяти, я прошла несколько раз мимо, вглядываясь в бородатого мужика с черными кудрями. Собственно, они, кудри, и привлекли внимание — я была обладательницей таких же. На третьем моем витке он вдруг снял картуз, вновь протянул для подаяния, я машинально кинула сто-рублевую купюру, глядя в глаза попрошайке. В мои глаза — глубокий синий цвет я унаследовала от него... Мгновение узнавания, блеск нечаянной слезы, мой страх, стыд, даже ужас. Я быстро удалялась прочь, в противоположную от дома сторону, от меня шарахались прохожие, кто-то попытался схватить за руку... Это случилось почти три месяца назад, и с тех пор мой ежедневный маршрут от дома до лица и обратно изменился — я упорно делала крюк, сворачивая к храму.

Тогда, узнав Гиржея, я так и не решилась написать Ольге (профиль которой из любопытства все же нашла в одной из соцсетей) о том, что тот жив. Теперь же мне предстояло сообщить ей о его смерти.

Звонок мужа вывел из состояния сосредоточенной задумчивости — я шла домой, мысленно пытаюсь выстроить план на вечер.

...Случайный мой муж при первой встрече назвался Ганей. Я тактично промолчала, не задав, видимо, привычный для него вопрос: а собственно, что за имя такое... девичье? Он внимательно на меня посмотрел и торжественно произнес: «Вот именно с вами, девушка, я и пойду на свидание!» Я не рассмеялась, мне в тот год было не до смеха — от меня уходили близкие, один за другим тихо выпадали из моего круга общения, оставляя щемящие душу воспоминания, и только. После отъезда отчима в Англию я проплакала сутки, но приближалась защита диплома, короткий отпуск и затем — работа в школе. Страшась одиночества, я часто ночевала у Барковских. Соня была беременна, мужа практически дома не видела, а родители на все лето съехали на дачу. Соню я потеряла, как только та родила Илюшку. В их немаленькой квартире теперь постоянно толклась куча народа — обе пары бабушек-дедушек (приехали с Украины и родители Сониного мужа) плюс родная тетка Сони оспаривали право находиться при внуке. Мне места там не было.

В моей квартирке на Казанской было одиноко, но я очень скоро научилась ценить эту оторванность от внешней среды. Сидя на диване почти в полной

темноте, под легкий гул процессора ноутбука, я все чаще задумывалась о том, что все утверждения, будто человек — существо парное, полная ерунда. Вот мне, Асие Бахметевой, не нужен никто!

Но, как психолог, я понимала — вот оно, начало грядущего безумия...

Я пришла в школу, коллектив учителей принял меня настороженно — все были в курсе, что сам Осип Семенович Барковский, спонсор, привел меня в кабинет директора за руку. Приветлива была лишь Ирина Юрьевна, преподаватель английского языка. Но и она быстро исчезла из моей жизни — после зимних каникул выйдя замуж, в школу не вернулась. Связь с ней оборвалась сама собой — уезжая на жительство в Англию, она даже не попрощалась. Не найдя ничего лучшего, я стала в своих потерях винить себя.

Училка в депрессии — находка для учеников. Оттачивая на мне подростковый юмор, они не понимали, что грядет тот день, когда наступит конец. Им или мне — по обстоятельствам. Однажды, объясняя на геометрии новую тему и слыша за спиной лишь гул голосов с нередкими вскриками и смехом, я не выдержала. Указка в классе была лазерной, но транспортир старый, еще советских времен. Полукруг из натурального дерева, некогда покрытый бесцветным лаком, весил прилично — стук о мой учительский стол был услышан даже директором в своем кабинете. Многоголосый ор кучковавшихся вокруг первой парты учеников за секунды собрал весь педсостав у дверей кабинета, я же с торжеством взирала на замерший класс. Явный страх

всех — от директора до самого наглого переростка Гулько, чистейшая тишина, моя уверенность в правоте совершенного, мгновенно превратили «Аську» в «Асию Каримовну».

Казалось бы, будь довольна, Бахметева, — с тобой начали считаться, держи власть, дерзай. А мне стало вдруг противно и стыдно — я потеряла себя. Вспомнился отчим, ни разу не прикрикнувший на ленивую Асю, — учиться в младших классах я не хотела, хоть убей. У него хватило терпения и любви, чтобы донести до меня простую мысль — узнавать новое может быть интересно и полезно.

Уйти из школы в середине года я не посмела, но летом написала заявление на увольнение.

Глава 7

Тогда, валяясь на пляже в одиночестве, я и познакомилась с Игнатом Потехиным — Ганей. То самое свидание, которое тот с уверенностью предрек, состоялось уже вечером. Кто из нас напился первым, позже не смогли вспомнить ни он, ни я. Но что мы помнили четко, так это предутренний спор — кто в семье должен готовить завтрак. Заявление Игната, что этим человеком будет он, я восприняла со смехом — моя маленькая кухня никак не вмещала Ганю. Ни целиком, ни сидящим у небольшого столика: одну свою ногу сорок пятого размера он накануне, уместившись на крошечном для него табурете, выставил в узкий коридорчик, благо кухонная дверь была снята с петель уже давно.

Пожились мы наспех через два месяца. В тот же день состоялось и открытие ветеринарной клиники Потехиных «Милый друг» (владельцы — отец и сын). Из ЗАГСа мы рванули на такси туда, успели к приезду из Сургута отца Игната, который женитьбу сына посчитал рядовым актом, а вот открытие «дела жизни» — знаковым событием. Один тост был все же им произнесен и в нашу честь: «Плодитесь и размножайтесь, аки все божьи твари!»

Вот с размножением у нас с Ганей не заладилось, активно плодились лишь хомячки, которых мой большой муж обожал до такой степени, что держал клетку дома в нашей спальне. Мне казалось, они работают над потомством сутками, в отличие от нас, изредка вспоминая перед сном о супружеских обязанностях.

Лишь на третьем году жизни я выяснила, кто именно называл мужа Ганей. Ею оказалась его первая любовь, а не мама, как можно было предположить. Свекор при очередном визите как-то раз в сердцах высказал сыну, что, мол, девку ты какую-то квелую в жены взял — ни родить, ни пощупать. Вот Аннушка бы... Для ушей моих эта фраза не предназначалась, но, подслушав ее, я поняла, что брак наш обречен — Игнат в ответ предательски промолчал.

Хорошо, не было у меня к нему любви. Ни полкапли. Лишь ровное чувство к «милому другу». Предлагая расстаться, я даже не подозревала, что вызову такую бурю протеста. Игнат плакал как ребенок, клялся в верности, но не произнес ни слова о любви. На вопрос: «Что же так убиваешь-

ся — так сильно любишь?», он ничего не ответил — что ценила я в нем более всего, так это неумение врать.

Он все же выехал из моей квартиры, попросив не подавать на официальный развод. Я согласилась, в результате сохранив с ним добрые отношения...

Сейчас, пребывая в уверенности, что Герда Юренева будет Игнатом обласкана, вылечена и одарена лучшим кормом, не волновалась. Спокойна я была и за самого Макса. История с Юреным хотя и казалась далекой, но удовлетворения от завершенного дела я не испытывала. Казалось бы, сделала все, что могла: и собаку нашла и пристроила, и Макса не оставила без помощи, поручив его Петру. Только почему тот не позвонил?

Вот в этот момент и запел мобильный. Я остановилась, достала телефон и, не посмотрев на экран, подключилась. Вслед за своей мыслью о мальчишке машинально назвав мужа Петром, получив гневную и ревнивую отповедь, выдала загадочный смешок (типа, понимай, как хочешь) и выжидательно замолчала. А Игнат неожиданно коротко приказал: «Обернись!»

Свою большую машину мой муж кое-как, боком, припарковал на стоянке банка, сам же, скрестив руки на груди, стоял посреди тротуара, не обращая внимания на прохожих, опасливо обходивших его с двух сторон.

— Давно за мной следишь? — не удержалась я.

— От церковных ворот. Авто не мог притупить — понаставили знаков! А с какого перепугу вдруг такая набожность в тебе проснулась? И что

там за сборище ментов, отпевают кого или по делу тусуются?

— Нищего какого-то убили, — не стала я посвящать бывшего мужа в подробности. — Что там с Гердой?

— Все в порядке уже. Ей ввели фенобарбитал в немыслимой дозе. И где взяли без рецепта, гаденыши?!

— Отец одного из подростков в ветклинике работает. Похоже, задумали они акцию давно, но я не успела выяснить, за что они так с Максом.

— Макс, значит... и кто он тебе? А я-то подумал, ты просто мимо проходила...

— Мимо и проходила! А Юренев — бывший одноклассник, — вот обсуждать сейчас с Игнатом мою первую любовь я была не готова. Хотя мой муж все знал...

В первую нашу встречу я жаловалась и плакала. Об этом наутро сообщил мне Игнат, вытянувший у меня все подробности о подлом поступке Юренева. «Хочешь, убью его?» — спросил вполне серьезно, а я рассмеялась. Рыхлый и неспортивный, хотя и очень высокий Ганя в моих глазах был смешным и добрым. И никак не мог никого убить. Мастер спорта по дзюдо Юренев вырубил бы его, уверена, одним точным ударом. Шансов у Гани не было. На мой смех он не отреагировал, только сжалась в кулак правая ладонь и потяжелел взгляд. Я тогда быстро сменила тему...

— Так вот он какой... вижу, судьба наказала! Ладненько. Собаку отдам завтра к полудню. Сама заберешь? Могу и к дому подвезти, куда прикажете.

— Я не знаю, где сейчас живет Юренев. Паренек, что с нами был, должен был проводить его до квартиры. Что-то не звонил пока... Я наберу тебе утром, Ганя, потом решим. Спасибо!

— Лады. Тебя подвезти?

— Не нужно, прогуляюсь.

Почему я не сказала ему, что за сегодняшний день дважды осиротела? На этот вопрос ответа не было. С грустью подумав, что вот и Ганя стал для меня совсем чужим, даже с днем рождения забыл поздравить, я махнула на прощание рукой и побрела дальше.

До дома я добралась за десять минут, еще две мне понадобилось, чтобы дойти до квартиры и открыть замок. Парня в темной куртке, который спуускался по лестнице и слегка задел меня плечом, я не знала. Почему вдруг решила, что он цыган? Блеснула цепь на запястье, когда он поднял руку, чтобы накинуть на кудрявую голову слетевший капюшон, на тонком пальце сверкнул красным камнем перстень. Мысль, что слишком уж много золота, мелькнула и тут же пропала — я вошла в квартиру...

Никогда бы не подумала, что еще раз по доброй воле наберу этот номер. Серый кусок картона дрожал в моей руке, мешая точно разглядеть цифры. В ответ на с досадой прозвучавшее: «Слушаю», я пролепетала, что меня обокрали, и расплакалась.

Приказ Фирсова ничего не трогать я выполнила буквально — опустившись на низкий стульчик в прихожей и вцепившись в свою сумку, застыла в неподвижности и просидела так до его приезда. То есть ровно девятнадцать минут. Рассуждать трезво